

СЕРИЯ «СВИДАНИЯ»

ОШИБКА ХОРОШЕЙ ДЕВОЧКИ

ЭДДИ СЛОАН

Эдди Слоан

Ошибка хорошей девочки

<https://litres.ru/74200358>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эмилия умеет быть удобной. Она отвечает на чужие просьбы, сглаживает конфликты, подстраивается под планы Оуэна и делает вид, что неопределенные отношения ее устраивают.

Все меняется, когда одна честная фраза случайно уходит не тому адресату.

Теперь Оуэн требует объяснений, мама обижается на первое настоящее «нет», коллеги замечают перемены, а старенькая Дейзи выбирает именно этот момент, чтобы сломаться. В автомастерской Эмилия знакомится с Дином, который не обещает спасти ее жизнь и не просит быть проще.

Чтобы понять, чего она хочет, Эмилиии придется совершить еще несколько ошибок: не извиниться, не ответить сразу, отказать без оправданий и позволить чужому разочарованию остаться чужим.

«Ошибка хорошей девочки» — теплая и ироничная романтическая комедия о почти-отношениях, неудобной честности и любви, рядом с которой не приходится исчезать.

Содержание

Глава 1. Нет, все нормально	4
Глава 2. Сообщение не тому	22
Глава 3. Тревожные сигналы	40
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Эдди Слоан

Ошибка хорошей девочки

Глава 1. Нет, все нормально

В понедельник в 8:07 утра Эмилия сказала мужчине с кро-
воточащей десной, просроченной страховкой и выражением
человека, уверенного, что чужое время существует исклю-
чительно для его удобства, что никакой проблемы нет.

Проблема, конечно, была.

И не одна.

Первая заключалась в том, что мистер Гарольд Притчард
опоздал на двадцать две минуты на прием, который сам же
до этого трижды переносил.

Вторая заключалась в том, что он, похоже, считал опозда-
ние не фактом, а темой для переговоров.

Третья заключалась в том, что срок действия его страхо-
вой карты истек еще в марте.

А сейчас был ноябрь.

Четвертая заключалась в том, что Эмилия еще не пила
кофе.

И именно эта проблема с наибольшей вероятностью могла
попасть в новости.

Эмилия улыбнулась.

«Ничего страшного».

Она работала за стойкой регистрации в стоматологической клинике «Улыбайся ярче», где вежливая ложь не входила в должностные обязанности, но держала на себе примерно половину здания.

Эмилия была вежливой по профессии.

К сожалению, где-то между подтверждением записей, успокаиванием испуганных пациентов, сглаживанием чужой грубости и постоянным «извините» в адрес людей, которые сами создавали себе срочные проблемы, она начала делать то же самое бесплатно и в личной жизни.

Мистер Притчард оперся локтем о стойку.

«Я не понимаю, почему не могу просто пройти к врачу».

За его спиной приемная уже наполнялась понедельником.

У понедельника в клинике «Улыбайся ярче» был особенный запах.

Подгоревший кофе. Зимние пальто. Мятный дезинфектор. Страх. И чей-то ванильный спрей для тела, который отчаянно проигрывал тревоге перед стоматологом.

Эмилия посмотрела на расписание.

8:00: Гарольд Притчард, восстановление коронки.

8:30: Майя Лопес, чистка.

8:45: Брианна Миллс, чистка.

9:00: Дэниел Чо, подготовка к лечению корневого канала.

Каждая ячейка на экране смотрела на нее с немым упреком.

Эмилия снова повернулась к мистеру Притчарду.

«Сейчас доктор Пател принимает другого пациента. Но я посмотрю, что можно сделать».

Это была вторая по опасности фраза Эмили.

Первой была «извините».

Третьей была «все нормально».

Втроем они построили ей целую личность.

Зазвонил телефон.

Первая линия.

Потом вторая.

Принтер за ее спиной закашлялся так, будто собирался выдать не документы, а семейную тайну.

В приемной маленькая девочка смотрела на аквариум с серьезным подозрением человека, который понимал: эти рыбы многое повидали.

Эмилия улыбнулась мистеру Притчарду.

Щеки уже болели.

Прядь каштановых волос выбилась из заколки и прилипла к блеску для губ. Эмилия оставила ее там на целых три секунды, потому что обе руки были заняты тем, что удерживали это утро от распада.

По шкале боли от одного до десяти понедельник был на шестерку.

Терпимо.

Раздражающе.

Пока еще не катастрофа.

В кармане вязаной кофты завибрировал телефон.

Оуэн.

На одну нелепую секунду все тело Эмилиии расслабилось.

Позор какой.

У нее не было ни кофе, ни завтрака, ни эмоциональной устойчивости, но одно сообщение от мужчины, который после семи месяцев отношений представил ее соседу как «мою подругу Эмилию», все еще могло заставить что-то внутри радостно вострепнуться, как плохо воспитанную собаку.

Она опустила глаза.

Оуэн:

«Сегодня все в силе?»

Свидание.

Наверное.

Возможно.

По крайней мере, нечто похожее на свидание.

Оуэн редко пользовался точными словами, когда речь заходила о чувствах. Он предпочитал удобные формулировки.

Потусить.

Перекусить.

Посмотреть, как пойдет.

Скоро поговорим.

Не усложнять.

Эмилия так долго соглашалась «не усложнять», что сама сложность начала казаться ей личным недостатком.

Она быстро набрала ответ.

Эмилия:

«Да!»

Восклицательный знак.

Дружелюбно. Легко. Без давления.

Сообщение почти извинялось за то, что существует.

Потом Эмилия подняла глаза и вспомнила, что мистер Притчард все еще стоит перед ней и ждет, когда его сделают чьей-нибудь чужой проблемой.

Он посмотрел на ее телефон.

«Все в порядке?»

Можно было подумать, что половина утреннего беспорядка не лежала в его собственном потрескавшемся бумажнике.

Эмилия ответила:

«Да».

Автоматически.

Мгновенно.

Неправда.

Над сообщением Оуэна появилось сообщение от Таши.

Таша:

«Ты завтракала или мы снова делаем вид, что ты впитываешь чужую тревогу и называешь это белком?»

Эмилия набрала ответ под стойкой.

Эмилия:

«Завал. Пациент опоздал. Страховка умерла. Кофе отсутствует. Высылай помощь».

Таша:

«Сколько раз уже извинилась?»

Эмилия посмотрела на приемную.

Мистер Притчард теперь изучал стойку с бесплатными зубными щетками с выражением мужчины, готового обвинить щетину в экономическом кризисе.

Эмилия:

«Сейчас 8:12».

Таша:

«То есть уже двузначное число. Поняла».

Эмилия сунула телефон в карман и повернулась к компьютеру.

У стоматологических клиник был особый свет.

Не теплый.

Не холодный.

Просто такой, при котором ничего не спрячешь.

Она открыла карту мистера Притчарда.

«Мы все равно сможем принять вас сегодня. Но поскольку вы пришли позже назначенного времени, нам придется перенести вас на десять».

Брови мистера Притчарда поднялись.

Эмилия почувствовала, как вся приемная это заметила.

Не слишком явно.

В приемных вообще все происходило незаметно. Люди делали вид, что читают старые журналы, но на самом деле следили за каждым проявлением несправедливости с вниманием присяжных.

Мистер Притчард сказал:

«Моя запись была на восемь».

«Да».

Крошечная капля пота появилась у Эмилии на затылке.

Простые факты не должны были ощущаться как шаг на тонкий лед.

Она продолжила:

«Но вы пришли в восемь двадцать две. Доктор Пател уже принимает следующего пациента».

Вот.

Она это сказала.

Никто не закричал.

Сигнализация не сработала.

Рыбы продолжили делать вид, что живут в приличном обществе.

Мистер Притчард уставился на нее.

«То есть это моя вина?»

Шкала боли: семь.

Улыбка Эмилии попыталась сохранить рабочее место.

«Я бы не стала говорить именно так».

Таша стала бы.

Таша сказала бы это прямо и, возможно, с конфетти.

Эмилия спокойно продолжила:

«Мы постараемся принять вас сегодня, но должны соблюдать расписание для пациентов, которые пришли вовремя».

Майя Лопес, записанная на чистку в 8:30, подняла глаза от

телефона и едва заметно кивнула Эмилиии в знак поддержки.

Мужчина в пуховике сделал вид, что не слушает, хотя слушал всем телом.

Мистер Притчард вдохнул так, как вдыхают люди, готовые написать разгромный отзыв.

Потом взял обновленную форму.

«Полагаю, я подожду».

Эмилия ответила:

«Спасибо».

И поскольку она все еще была Эмилией, почти добавила «извините».

Остановилась.

Едва успела.

Но это считалось.

Наверное.

Телефон зазвонил снова, прежде чем она успела насладиться победой.

Эмилия сняла трубку.

«Стоматологическая клиника “Улыбайся ярче”, это Эмилия. Чем могу помочь?»

Женщина на другом конце провода сказала:

«Мне нужно отменить чистку».

Эмилия открыла расписание.

«Конечно. Подскажите, пожалуйста, ваше имя».

«Брианна Миллс».

8:45.

«У вас все в порядке?»

«Мой парень сказал, что нам нужно поговорить».

Эмилия замерла.

По ее опыту, фраза «нам нужно поговорить» еще ни разу не улучшила ничье утро.

«Мне очень жаль».

Слова вылетели автоматически.

Где-то в Филадельфии Таша, вероятно, почувствовала, как очередное извинение попало в атмосферу, и мысленно сделала новую отметку.

Брианна всхлипнула.

«Он сказал, что это не разговор о расставании. Но зачем вообще говорить такое, если это точно не разговор о расставании?»

«Звучит тревожно».

«Я всю ночь не спала».

«Мы можем перенести запись».

Брианна помолчала.

«Как думаете, мне все равно стоит прийти? Может, чистые зубы помогут?»

Эмилия посмотрела на приемную, где мистер Притчард заполнял форму с лицом человека, которого глубоко оскорбила сама концепция времени.

«Честно?»

Это слово удивило ее саму.

И Брианну тоже.

«Да?»

«Если мужчина говорит “нам нужно поговорить” до завтрака, сначала вам нужен кофе. Стоматологические инструменты могут подождать».

Брианна несколько секунд молчала.

Потом неожиданно рассмеялась сквозь слезы.

«Боже мой. Вы правы».

Эмилия улыбнулась по-настоящему.

Немного.

Но этого уже было достаточно.

«Я могу перенести вас на четверг».

«Пожалуйста. И спасибо».

«Ничего страшного».

Вот она.

Привычная ловушка.

Фраза успела выскочить раньше, чем Эмилия ее заметила.

После звонка она посмотрела на освободившееся время в 8:45.

Чудо.

Опасное чудо.

Потом покосилась на мистера Притчарда.

Нет.

Абсолютно нет.

Она не собиралась вознаграждать его за опоздание.

К стойке подошла Майя Лопес.

«Извините, я на чистку».

Эмилия улыбнулась ей.

«Вы пришли точно вовремя. Вас сейчас пригласят».

Лицо Майи смягчилось.

Мистер Притчард недовольно хмыкнул.

Эмилия на него не посмотрела.

За окнами Филадельфия двигалась без извинений. Фургон доставки просигналил водителю такси. Кто-то крикнул на тротуаре. Над кофейной тележкой у угла поднимался пар.

Город не пытался быть удобным ни для кого.

Иногда Эмилия ему завидовала.

В 10:42 она наконец выпила кофе.

Холодный.

Из кружки с надписью «Нет кариеса, нет и слез», потому что доктор Пател считал стоматологические шутки дружеско-любными, а не, как полагала Эмилия, слегка угрожающими.

Таша написала:

Таша:

«Обед?»

Эмилия:

«Сейчас 10:42».

Таша:

«Это не ответ. Это крик о помощи в формате времени».

Эмилия:

«Я съела батончик».

Таша:

«Когда?»

Эмилия:

«Где-то рядом со вчерашним днем».

Таша:

«Эмилия».

Эмилия:

«Я в порядке».

Таша прислала значок зуба.

Потом второй.

Потом третий.

Счетчик извинений и счетчик фраз «я в порядке» явно соревновались друг с другом.

Эмилия из чистого упрямства откусила половину батончика.

На вкус он был как спрессованное сожаление.

К полудню в клинике установился ритм, который не был покоем, но вполне мог за него сойти, если никто не открывал новую вкладку в браузере.

Пациенты приходили.

Пациенты уходили.

Рыбы всех осуждали.

Эмилия перенесла две чистки, проверила четыре страховых полиса, в шестой раз объяснила, что отбеливание не покрывается страховкой, и сказала одному мужчине, что о чувствительности к холодному стоит упомянуть врачу.

Боль не была чертой характера, которой следовало гордиться.

После приема к стойке подошла миссис Альварес. Одна сторона ее лица все еще была онемевшей. Она слегка невнятно произнесла:

«Спасибо, милая. Вы всегда такая терпеливая».

Эмилия смягчилась.

«Конечно».

Миссис Альварес осторожно коснулась щеки.

«Я слишком долго ждала».

Эмилия подняла глаза от квитанции.

«С зубом?»

Миссис Альварес кивнула.

«Я все говорила себе, что не так уж и болит. А вчера ночью решила, что моя челюсть пытается отделиться от остального тела».

Эмилия поморщилась.

«Звучит ужасно».

Миссис Альварес криво улыбнулась.

«Болит только тогда, когда я признаю, что болит».

Фраза странно отозвалась внутри.

Эмилия рассмеялась вместе с миссис Альварес.

Но слова остались.

Болит только тогда, когда я признаю, что болит.

Миссис Альварес ушла с записью на повторный прием, пробником зубной пасты и облегченной походкой человека, который наконец позволил кому-то посмотреть на то, что болело.

Эмилия еще несколько секунд смотрела на закрывшуюся дверь.

Потом ее телефон завибрировал.

Оуэн.

Сердце снова предательски встрепенулось.

Она открыла сообщение.

Оуэн:

«Вообще, день тяжелый. Давай перенесем? Ты лучшая. С тобой всегда так легко».

Эмилия уставилась на экран.

С тобой всегда так легко.

Фраза не ударила как пощечина.

Так было бы проще.

Она заныла, как больной зуб. Не настолько сильно, чтобы немедленно бежать к врачу, но достаточно, чтобы постоянно помнить о ней.

Это была не десятка.

У десятков есть драма.

Скорее постоянная четверка, к которой Эмилия успела привыкнуть за семь месяцев.

Она набрала ответ.

Эмилия:

«Ничего страшного».

Потом остановилась.

Большой палец завис над кнопкой отправки.

Ничего страшного.

Но страшное было.

Просто не громкое.

Проблема была на прошлой неделе, когда Оуэн отменил встречу, потому что ужин с клиентом «затянулся».

Проблема была за две недели до этого, когда он сказал, что сейчас «не готов что-то планировать».

Проблема была в то воскресенье, когда она осталась у него дома, а он представил ее соседу как «мою подругу Эмилию», держа в руке кофе, который она оставляла у него на кухне.

Проблема была.

На стойке зазвонил телефон.

Эмилия ответила, потому что у вселенной, как и у Оуэна, был безупречный выбор момента.

«Стоматологическая клиника “Улыбайся ярче”, это Эмилия. Чем могу помочь?»

Мужчина на другом конце провода сказал:

«У меня болит зуб, но я не уверен, что достаточно сильно, чтобы приходить».

Эмилия посмотрела на сообщение Оуэна.

С тобой всегда так легко.

Потом на ламинированную шкалу боли рядом с компьютером.

На ней был нарисован улыбающийся зуб и цифры от одного до десяти.

На единице зуб выглядел слегка озадаченным.

На десятке, судя по выражению лица, он уже утратил веру

во все хорошее.

Эмилия спросила:

«Насколько сильная боль?»

«Не знаю. Может быть, на три».

«Она постоянная?»

«Только когда сжимаю зубы».

Эмилия на полсекунды закрыла глаза.

Когда сжимаю зубы.

Ну конечно.

«Тогда вам стоит прийти. Если боль игнорировать, она обычно становится сильнее».

Фраза вылетела прежде, чем Эмилия поняла, что сказала.

Клиника продолжала жить.

Рыбы плавали.

Принтер отдыхал перед следующим приступом.

В приемной кто-то чихнул так, будто и это было чьей-то ошибкой.

Мужчина на линии ответил:

«Да. Наверное, это логично».

«Логично».

Эмилия услышала собственный голос.

После звонка она снова взяла телефон.

Сообщение Оуэна ждало.

Ты лучшая. С тобой всегда так легко.

Эмилия открыла переписку с Ташей.

По крайней мере, ей так показалось.

Пальцы сработали быстрее здравого смысла.

Эмилия:

«Он меня не любит. Ему нравится, что я никогда ничего не усложняю. И если еще хоть один мужчина скажет, что со мной легко, я кого-нибудь укушу. Профессионально».

Она перечитала сообщение.

От него стало легче.

И страшнее.

Но все-таки легче.

Как будто она нажала на синяк и наконец убедилась, что боль не придумала.

Эмилия нажала «отправить».

В ту же секунду снова зазвонила первая линия.

Она сняла трубку.

«Стоматологическая клиника “Улыбайся ярче”, это Эмилия».

Внутри вдруг стало тихо.

Не в рабочем телефоне.

В ней самой.

Эмилия посмотрела на мобильный в своей руке.

На открытую переписку.

Не Таша.

Оуэн.

Сообщение ушло Оуэну.

Прочитано.

Эмилия перестала дышать.

По шкале боли от одного до десяти это было двенадцать, еще и с обязательной бумажной волокитой.

Телефон завибрировал.

Оуэн:

«Нам нужно поговорить».

Эмилия посмотрела на сообщение.

Потом на таблицу боли.

Потом на приемную, полную людей, которые делали вид, что не боятся бормашин, счетов и того, что случается, когда кто-то наконец смотрит слишком внимательно.

Впервые за все утро Эмилия не сказала, что все нормально.

У прогресса, к сожалению, было отвратительное чувство времени.

Глава 2. Сообщение не тому

После того как Эмилия случайно написала мужчине, с которым уже семь месяцев состояла в отношениях без названия, что он ее не любит, она поступила так, как поступила бы любая взрослая и совершенно уравновешенная женщина тридцати двух лет.

Положила телефон экраном вниз и сделала вид, что мобильную связь человечество еще не изобрело.

Телефон снова завибрировал.

Эмилия к нему не прикоснулась.

Зазвонил рабочий телефон.

На этот звонок она ответила. Рабочий телефон никогда не видел ее обнаженной и поэтому казался гораздо безопаснее.

«Стоматологическая клиника “Улыбайся ярче”, это Эмилия. Чем могу помочь?»

Женщина на другом конце провода сказала:

«Здравствуйте. Я звоню подтвердить запись на завтра. И еще хотела спросить: нормально, что временная коронка ощущается как-то странно?»

Эмилия посмотрела на мобильный.

Он лежал экраном вниз и тускло подсвечивал стойку.

Выглядел подозрительно живым.

«Что именно кажется странным?»

«Я ее чувствую».

«Это нормально».

«Но я постоянно о ней помню».

«Это тоже нормально».

«Я все время трогаю ее языком».

«И это совершенно нормально».

«Я боюсь, что могу проглотить ее во сне».

Эмилия закрыла глаза.

Почему-то этот разговор был гораздо проще, чем разговор с Оуэном.

«Постарайтесь все-таки этого не делать».

Женщина нервно рассмеялась.

Эмилия подтвердила запись, посоветовала не проверять коронку языком каждые четыре секунды и положила трубку прежде, чем ее собственный телефон успел завибрировать снова.

Он завибрировал.

Потом еще раз.

А затем замолчал.

Это было еще хуже.

Тишина всегда настораживала Эмилию. Именно в тишине люди успевали сделать выводы, которые она уже не могла вовремя исправить.

Она перевернула телефон с осторожностью сапера.

Сообщение, которое она уже видела, все еще ждало ее.

Оуэн:

«Нам нужно поговорить».

Под ним появились три новых.

Оуэн:

«Эмилия?»

Оуэн:

«Ты правда хотела отправить это мне?»

Оуэн:

«Ты серьезно?»

Желудок ухнул вниз.

Не резко.

Не сразу.

Скорее так, словно лифт внезапно пропустил этаж.

Эмилия открыла переписку.

Ее сообщение выделялось на экране.

Ужасное.

Понятное.

С безупречной пунктуацией.

«Он меня не любит. Ему нравится, что я никогда ничего не усложняю. И если еще хоть один мужчина скажет, что со мной легко, я кого-нибудь укушу. Профессионально».

Эмилия всегда считала, что пунктуация имеет значение.

Теперь пунктуация ее предала.

Нельзя было притвориться, что сообщение можно понять как-то иначе. Не существовало ни одного удобного объяснения.

«Ха-ха, автозамена».

«Не тому Оуэну».

«Это наша внутренняя шутка».

Ничего из этого не подходило.

Она будто отправила ему рентген собственных чувств, еще и аккуратно подписала снимок.

Большой палец завис над клавиатурой.

«Мне так жаль».

Она набрала эти слова быстрее, чем успела подумать. Это было уже не решение, а мышечная память.

Потом стерла.

Набрала снова.

И снова стерла.

Пульс отдавался в кончиках пальцев.

Она попробовала написать:

«Я не это имела в виду».

Стерла.

Именно это она и имела в виду.

В том и заключалась проблема.

Сообщение получилось совершенно правильным.

Просто ушло не тому человеку.

Телефон завибрировал снова.

Таша:

«Ты пережила обед или стойка регистрации сожрала тебя заживо?»

Эмилия открыла переписку с Ташей.

На этот раз дважды проверила имя.

Потом еще раз.

Эмилия:

«Я отправила это Оуэну».

Ответ пришел мгновенно.

Таша:

«Что именно ты отправила Оуэну?»

Эмилия посмотрела на потолок.

Лампы ответили ей равнодушным больничным светом.

Она скопировала сообщение и переслала его Таше.

На экране появились три точки.

Исчезли.

Появились снова.

Таша:

«Я хочу, чтобы ты знала: я сейчас села».

Эмилия:

«Я собираюсь извиниться».

Таша:

«Нет».

Эмилия:

«Я должна».

Таша:

«Не должна».

Эмилия:

«Я случайно написала ему, что он меня не любит».

Таша:

«А он тебя любит?»

Эмилия нахмурилась.

Эмилия:

«Что?»

Таша:

«Он тебя любит?»

По шкале боли это была пятерка.

Несильная.

Постоянная.

И не сразу поймешь, где именно болит.

Эмилия:

«Дело не в этом».

Таша:

«Именно в этом. Еще как в этом».

Эмилия:

«Ему больно».

Таша:

«Отлично. Значит, нерв еще жив».

Эмилия:

«Не используй мою работу против меня».

Таша:

«Буду использовать стоматологические сравнения, пока ты не перестанешь извиняться за первую честную фразу, которую отправил твой телефон».

Эмилия перечитала сообщение дважды.

Потом снова положила телефон.

Руки похолодели.

Все это было нелепо. Люди переживали разводы, увольне-

ния, переезды через всю страну, налоговые проверки и счета за лечение, от которых становилось плохо еще до того, как увидишь сумму. А Эмилия всего лишь отправила честное сообщение мужчине, который сказал, что с ней легко.

Никто не умер.

Наверное.

Разве что та версия Эмили, которая собиралась ответить ему: «Ничего страшного».

Клиника продолжала работать, потому что личные катастрофы не считались уважительной причиной для отмены приема.

Доктору Пателу понадобились новые бланки согласия.

Ким попросила позвонить в лабораторию.

Один пациент хотел узнать, считается ли отбеливание профилактической процедурой.

Эмилия улыбалась, отвечала, печатала, проверяла документы и переносила записи.

Рабочий голос не выключался.

А внутри что-то металось из угла в угол.

В 14:04 Оуэн написал снова.

Оуэн:

«Можешь мне позвонить?»

Эмилия посмотрела на сообщение.

Она не хотела ему звонить.

Она хотела превратиться в туман.

Хотела, чтобы одна из старых кирпичных стен Филадель-

фии раздвинулась и спрятала ее где-нибудь, где не существовало отметок о прочтении.

Вместо этого она написала:

Эмилия:

«Я на работе».

Ответ пришел почти сразу.

Оуэн:

«Я тоже. Но я все равно нахожу время, чтобы разобраться с этим».

Вот оно.

Разобраться с этим.

Не поговорить с ней.

Не понять ее.

Разобраться.

Словно ее чувства были неудобством, которое он согласился втиснуть в свое расписание.

Что-то внутри Эмилии вдруг перестало метаться.

Может быть, от усталости.

А может быть, от внезапной ясности.

Таша:

«Что происходит?»

Эмилия отправила ей снимок переписки.

Таша:

«Счетчик извинений все еще на нуле. Не испорти мне статистику».

Эмилия почти рассмеялась.

Почти.

В 14:27 пришло письмо из автосервиса, где она была восемь месяцев назад.

«Напоминание: вашему автомобилю, возможно, требуется техническое обслуживание».

Эмилия удалила письмо.

Потом восстановила.

И уставилась на него.

Последние три недели Дейзи заводилась не сразу.

Ничего особенно страшного.

Щелчок.

Медленное, неохотное урчание.

Потом двигатель все-таки запускался, словно делал Эмилии личное одолжение.

Пару раз подсветка приборной панели заметно тускнела, но через несколько секунд все приходило в норму.

Таша говорила, что машину нужно показать мастеру.

Эмилия отвечала:

«Сделаю на следующей неделе».

Это было три «следующие недели» назад.

С предупреждением она поступила так же, как поступала почти со всеми предупреждениями: прибавила громкость музыки и нашла себе новые дела.

Рабочий телефон снова зазвонил.

Эмилия ответила.

Мужчина хотел узнать, можно ли и дальше не обращаться

внимания на припухлость, которая держалась уже две недели.

Эмилия посмотрела на переписку с Оуэном.

Потом на ламинированную шкалу боли рядом с компьютером.

На ней был нарисован улыбающийся зуб и цифры от одного до десяти.

На единице зуб выглядел слегка недовольным.

На десятке, судя по выражению лица, уже попрощался с жизнью.

«Если что-то не проходит две недели, это уже вряд ли пустяк», сказала Эмилия.

Фраза звучала совершенно разумно, пока относилась к чужой жизни.

Мужчина записался на четверг.

Эмилия положила трубку и целых семь минут не смотрела на телефон.

Это ощущалось не как сила воли, а как будто ее придавило тяжелым шкафом. Но технически она все еще не извинилась.

В 15:04 Оуэн позвонил.

Его имя заняло весь экран.

На одну ясную секунду Эмилия увидела их отношения так отчетливо, как рентгеновский снимок у доктора Патела.

Оуэн отменял встречи.

Эмилия подстраивалась.

Оуэн отказывался называть их отношения отношениями.

Эмилия делала вид, что ее все устраивает.

Оуэн давал ей крошки внимания.

Эмилия складывала из них целый хлеб.

Теперь она случайно сказала одну правдивую фразу, и он требовал немедленного доступа к ее чувству вины.

Телефон звонил у нее в руке.

Один раз.

Второй.

Третий.

Эмилия позволила звонку перейти на голосовую почту.

Сердце колотилось так сильно, что уже само нуждалось в профессиональной консультации.

Таша:

«Ты ответила?»

Эмилия огляделась.

«Откуда ты знаешь?» прошептала она.

И только потом поняла, что ничего Таше не отправляла.

Телефон снова завибрировал.

Таша:

«У меня сработал радар на твоё желание всем угодить».

Эмилия рассмеялась.

По-настоящему.

Ким, одна из гигиенисток, прошла мимо стойки со стопкой карт пациентов.

«Хорошие новости?»

Эмилия посмотрела на пропущенный звонок Оуэна и уведомление о голосовом сообщении.

«Пока не поняла».

Ким кивнула, словно это была вполне нормальная разновидность новостей.

«Большинство новостей именно такие».

К 16:15 день начал расползаться по швам.

Лампа в аквариуме замигала.

Принтер зажевал бумагу.

Пациент, пришедший на девять минут раньше, пожаловался, что ждет уже двенадцать.

Доктор Пател спросил, сможет ли Эмилия задержаться еще на двадцать минут.

«Да», ответила она прежде, чем вопрос успел прозвучать до конца.

Телефон завибрировал.

Таша прислала значок зуба.

Эмилия:

«Это было по работе».

Таша:

«Рабочее “да” тоже считается, если ты отвечаешь раньше, чем успеваешь подумать».

Эмилия:

«Ненавижу эту игру».

Таша:

«Знаю».

В 17:42 клиника наконец опустела.

Не то чтобы стало спокойно.

Скорее буря закончилась здесь и отправилась портить вечер кому-нибудь другому.

Эмилия надела пальто за стойкой и включила голосовое сообщение Оуэна.

Его голос прозвучал в наушнике.

«Привет, это я. Честно говоря, меня очень задело твое сообщение. Не понимаю, почему ты не могла просто поговорить со мной нормально, как взрослый человек. Я думал, нас обоих все устраивает. Ты никогда не требовала, чтобы мы постоянно обсуждали, что между нами. Мне нравилось, что у нас без всей этой драмы. Перезвони».

Эмилия замерла.

В его сообщении было много неправильного.

Хуже всего было то, что какая-то часть ее по-прежнему хотела его утешить.

Извиниться.

Объяснить, что она не хотела причинять ему боль.

Снова все сгладить, хотя пожар устроил он, а огнетушитель почему-то оказался у нее в руках.

Она еще раз включила одну фразу.

«Я думал, нас обоих все устраивает».

Вот оно.

Не похвала.

Условие.

Оставайся удобной, не задавай вопросов, и тогда все будет хорошо.

Не становись одной из тех женщин.

Тех, кому нужно понимать, куда движутся отношения.

Тех, кто задает неудобные вопросы.

Тех, кто после семи месяцев, отданных субботних вечеров и зубной щетки на чужой полке хочет услышать простое слово «мы».

Большой палец Эмилии потянулся к кнопке обратного звонка.

И остановился.

Эмилия написала Таше:

«Он сказал, что думал, будто нас обоих все устраивает, потому что я никогда не требовала обсуждать, что между нами».

Таша:

«Перевод: ему нравилась твоя бесплатная пробная версия. Без вопросов и требований».

Эмилия отвернулась к окну.

За стеклом Филадельфия уже погрузилась в раннюю ноябрьскую темноту. Фары скользили по мокрому асфальту. На углу простонал автобус. Кто-то крикнул: «Двигайся!» человеку, который, судя по всему, и без того очень старался.

Телефон снова завибрировал.

Оуэн:

«Не хочу, чтобы из этого раздували целую проблему».

Эмилия коротко рассмеялась.

Резко.

Проблему.

Ее чувства только что получили удобное безличное название.

Она набрала:

«Я смогу поговорить после работы».

Стерла.

Потом:

«Извини. Я не хотела...»

Стерла и это.

В итоге не отправила ничего.

В 17:52 женщина с неправильно припаркованной машиной и ребенком, у которого отклеился брекет, забрала последние десять минут рабочего дня и почти всю оставшуюся волю Эмилии к жизни.

Эмилия нашла Ким, нашла ортодонтический воск, нашла в себе вежливый голос, о существовании которого уже начала забывать, и каким-то образом не извинилась ни перед одним человеком.

Только перед стулом, о который случайно ударилась бедром.

Таша засчитала и это.

Безжалостно.

Когда Эмилия наконец заперла входную дверь, было 18:07.

Болели ноги.

Болела голова.

Телефон казался радиоактивным.

Она вышла на улицу, и холодный ветер тут же ударил ее в лицо.

Ноябрьская Филадельфия не утешала.

Она проверяла, выдержишь ли ты.

Эмилия плотнее запахнула пальто и пошла к машине, припаркованной в двух кварталах под платаном. Мокрые листья облепили лобовое стекло, словно кто-то не слишком старательно заметал следы.

Ее маленький серебристый автомобиль звали Дейзи. Эмилия верила, что если дать ненадежной вещи имя, она станет менее угрожающей.

С Оуэном это не сработало.

Она села за руль.

В машине пахло мятной жвачкой, старыми чеками и спортивной сумкой на заднем сиденье, принадлежавшей той воображаемой версии Эмилии, которая регулярно ходила в спортзал.

Она повернула ключ.

Щелчок.

Подсветка приборной панели замигала.

Двигатель сделал одну усталую попытку завестись.

И затих.

Эмилия замерла.

Попробовала еще раз.

Щелчок.

Ничего.

«Нет».

Лампочки на панели потускнели.

Под капотом Дейзи издала последний измученный звук.

Телефон завибрировал.

Оуэн:

«Можешь, пожалуйста, перестать меня игнорировать?»

Эмилия посмотрела на сообщение.

Потом на тусклые лампочки приборной панели.

Потом на лобовое стекло, по которому уже стекали тонкие холодные струйки дождя.

По шкале боли от одного до десяти она больше не интересовалась цифрами.

Эмилия откинулась на спинку сиденья и рассмеялась.

Не потому, что ей было весело.

Просто иначе пришлось бы издать звук, способный напугать прохожих.

Телефон снова завибрировал.

Таша:

«Ты жива?»

Эмилия:

«Моя машина умерла».

Таша:

«Конечно. Машины обожают символические совпаде-

ния».

Эмилия посмотрела сквозь размытое дождем стекло.

На другой стороне улицы бело-голубым светом горела вывеска:

«Автосервис Миллера».

Эмилия проходила мимо нее дважды в неделю в течение трех лет и ни разу не заходила внутрь.

Проблемы становились настоящими, когда отдаешь их человеку с инструментами.

Под вывеской мужчина в темной рабочей куртке опускал ворота одного из боксов. Несмотря на холод, рукава были закатаны до локтей.

Он выглядел усталым.

Собранным.

Раздражающе надежным.

Эмилия посмотрела на вывеску.

Потом на погасшую панель Дейзи.

Потом на непрочитанное сообщение Оуэна.

Похоже, все предупреждения, которые она так долго игнорировала, решили стать настоящими в один и тот же день.

Глава 3. Тревожные сигналы

«Автосервис Миллера» выглядел закрытым так, словно всем разумным людям настоятельно предлагалось отправиться домой и вернуться завтра.

Под давлением обстоятельств Эмилия редко отличалась разумностью.

Зато она превосходно умела устраивать собственные проблемы так, чтобы они никому не мешали.

Она просидела в Дейзи ещё тридцать две секунды, наблюдая, как дождь чертит серебряные линии на лобовом стекле, а на экране телефона светится сообщение Оуэна.

Оуэн:

«Можешь, пожалуйста, перестать меня игнорировать?»

Какая наглость.

Безупречно одетая наглость.

Он игнорировал все тревожные сигналы в их отношениях, а теперь требовал срочной помощи для собственных чувств.

Эмилия набрала:

«Я тебя не игнорирую. У меня сломалась машина».

Потом стёрла.

Поломка машины не имела к нему никакого отношения.

Она не обязана была доказывать, что у неё есть уважительная причина не разговаривать с ним. А если Оуэн узнает, что после работы она сидит под дождём в заглохшей машине,

то либо ответит неопределённым «кошмар», либо обидится, что она не позвонила ему первой.

Эмилия убрала телефон в карман пальто.

Он тут же завибрировал.

Она не стала смотреть.

Целых три секунды.

Личный рекорд.

Потом схватила сумку, выбралась из Дейзи и немедленно получила по заслугам от филадельфийской погоды.

Это был не романтический дождь.

Он хлестал сбоку, забирался в рукава и превращал тротуар в скользящую ловушку.

На другой стороне улицы мигала вывеска:

«Автосервис Миллера».

Бело-голубое свечение. Два ремонтных бокса. Тёмное окно небольшого офиса со старой наклейкой о прохождении техосмотра. Автомат с напитками и батончиками под навесом. Помятый мусорный бак.

Ничего очаровательного.

Ничего, что просилось бы на фотографию.

В ближайшем боксе мужчина в тёмной рабочей куртке опускал ворота. Кончики тёмных волос намочли от дождя, а рукава, несмотря на холод, были закатаны до локтей.

Эмилия слишком поспешно перебежала улицу, наступила в глубокую лужу и добралась до навеса с одним промокшим носком и остатками достоинства.

«Здравствуйте».

Мужчина перестал тянуть цепь.

Ворота замерли на полпути.

Он посмотрел на неё.

Не так, как иногда смотрели мужчины в клинике, пытаясь понять, входит ли её улыбка в стоимость обслуживания. И не так, как смотрел Оуэн, когда хотел получить поддержку, не принимая на себя никакой ответственности.

Этот мужчина смотрел на неё так, словно она пришла с проблемой, а он ждал, когда ему объяснят, с какой именно.

«Мы закрыты».

Голос у него был низкий, немного хриплый, но не неприветливый.

Просто прямой.

Эмилия слишком быстро кивнула.

«Да, конечно. Извините».

Его взгляд переместился с её лица на серебристый автомобиль через дорогу. Аварийные огни слабо мигали сквозь дождь.

«Ваша?»

«Да».

«Что случилось?»

«Она щёлкнула».

«Щёлкнула?»

«Да».

«Когда?»

«Когда я повернула ключ».

Уголок его рта слегка дрогнул.

Почти улыбка.

«Обычно именно в этот момент машины и высказывают своё мнение».

Эмилия крепче сжала ремень сумки.

«Извините. Я знаю, что вы закрыты. Могу позвонить кому-нибудь ещё. Или вызвать эвакуатор. Или оставить её здесь и начать новую жизнь под другим именем».

Почти улыбка стала настоящей.

Ненадолго, но всё же.

«Оставить сломанную машину напротив моего сервиса. Неплохой способ привлечь моё внимание».

«Я не специально».

«Я догадался».

«Я, конечно, совершаю ошибки, но обычно не использую автомобили в качестве средства общения».

Он задержал на ней взгляд чуть дольше, чем требовалось.

«Как вас зовут?»

«Эмилия».

«Дин Миллер».

Ну конечно.

Миллер был не только на вывеске.

«Это ваш сервис?»

Дин посмотрел вверх.

«Обычно да».

«Извините».

«Вы часто извиняетесь».

Фраза прозвучала спокойно.

Без насмешки.

Без осуждения.

Просто спокойно произнесённый факт.

По шкале боли: четыре.

Неловко, потому что это должна была быть максимум единица.

«Я работаю с клиентами».

«Это кое-что объясняет».

«Только кое-что?»

Дин поднял ворота обратно.

«Пойдёмте посмотрим машину».

«Вам не обязательно. Вы уже закрылись».

«Я знаю».

«Я могу подождать».

«Чего?»

Эмилия открыла рот.

Потом закрыла.

Отличный вопрос.

Утра? Спасения? Момент, когда её жизнь перестанет казаться слишком очевидной метафорой? Или когда Оуэн перестанет вести себя так, будто её постоянная доступность входит в оплаченный им пакет услуг?

Дин вышел под дождь.

Эмилия поспешила следом.

«Правда, вам не обязательно это делать».

«Я услышал вас с первого раза».

«Со мной такое случается редко».

Он посмотрел на неё.

«Что именно?»

«Чтобы меня услышали с первого раза».

Фраза вырвалась прежде, чем она успела превратить её в шутку.

Дин не остановился. Не спросил, не хочет ли она обсудить это под мокрым платаном. Не одарил её понимающим взглядом под дождём.

Просто протянул руку.

«Ключи».

Почему-то от этого стало ещё хуже.

Эмилия отдала ему ключи.

Рядом с Дином Дейзи казалась меньше. Уставшая и насто-
роженная, как собака у ветеринара, которая прекрасно знает, что именно съела.

Дин сел за руль и повернул ключ.

Щелчок.

Подсветка панели замигала.

Он попробовал ещё раз.

Щелчок.

И остановился.

«Возможно, аккумулятор. Может быть, стартер. Или пло-

хой контакт».

Эмилия стояла возле открытой двери, пока дождь стучал по капоту.

«Каждый из этих вариантов звучит дорого».

«Пока недостаточно данных».

«А соврать можете?»

«Нет».

«Тогда нам будет трудно общаться».

На этот раз он улыбнулся.

Слегка, но по-настоящему.

Его лицо изменилось, и Эмилии это совершенно не помогло.

Дин вышел, открыл капот и закрепил его. Эмилия стояла рядом, сумка сползала с плеча, а холодная вода медленно проникала в туфлю.

Телефон завибрировал.

Она не посмотрела.

Дин посмотрел.

Не на экран.

На её реакцию.

«Вам нужно ответить?»

«Нет».

Ответ прозвучал слишком быстро.

Он приподнял бровь.

«То есть ничего срочного».

Телефон снова завибрировал.

Эмилия автоматически улыбнулась.

Не потому, что была рада.

Просто её организм принял неловкость за очередного клиента.

Дин посмотрел на улыбку.

Потом ей в глаза.

«Вам не обязательно улыбаться, чтобы мне было удобнее».

Дождь барабанил по открытому капоту.

На одну странную секунду Эмилия забыла, для чего нужен рот.

Люди просили её улыбнуться. Благодарили за терпение. Называли милой, спокойной, понимающей, лёгкой в общении.

Никто прежде не говорил, что она может перестать.

«Я и не улыбалась».

Дин снова склонился над двигателем.

«Хорошо».

Одно слово.

Никакого спора.

Никаких попыток доказать ей, что она неправа.

Продолжать притворяться стало гораздо сложнее.

Эмилия скрестила руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.